

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНСФЕРТНОЙ ЦЕНЫ НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. ХАШКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются проблемы применения механизма трансфертного ценообразования к сделкам с цифровыми активами. Обосновываются методологическая несостоятельность критерия совпадения кодов Общегосударственного классификатора экономической деятельности при определении сопоставимых организаций и системная ограниченность принципа наилучшего соответствия. Предлагается дополнить законодательство содержательными критериями сопоставимости, а также ввести самостоятельный специальный метод определения трансфертной цены при отсутствии рыночных аналогов, применимый к цифровым и иным сложнооцениваемым активам.

Ключевые слова: трансфертное ценообразование; нематериальный актив; цифровой актив; рыночная цена; налогообложение; налог; налоговый контроль.

LEGAL PROBLEMS OF TRANSFER PRICING DETERMINATION FOR DIGITAL ASSETS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. KHASHKOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The problems of applying the transfer pricing mechanism to transactions involving digital assets are examined. The methodological inadequacy of the criterion based on the coincidence of codes from the National classifier of economic activities for determining comparable companies is substantiated, as well as the systemic limitations of the best match principle. It is proposed to supplement the legislation with substantive comparability criteria and to introduce a standalone special method for determining the transfer price in the absence of market comparables, applicable to digital and other hard-to-value assets.

Keywords: transfer pricing; intangible asset; digital asset; arm's length price; taxation; tax; tax control.

Введение

Тенденции развития объектов нематериальной сферы порождают возникновение серьезных доктринальных и правоприменительных дискуссий, выходящих за рамки их традиционной квалифи-

ции в качестве объектов гражданских прав. Особую остроту данные вопросы приобретают при дисбалансе правового регулирования смежных отраслей права, который, по мнению исследователей, проявляется

Образец цитирования:

Хашковский НВ. Правовые проблемы определения трансфертной цены на цифровые активы в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:53–61.
EDN: NNMEZM

For citation:

Khashkovsky NV. Legal problems of transfer pricing determination for digital assets in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:53–61. Russian.
EDN: NNMEZM

Автор:

Никита Владимирович Хашковский – аспирант кафедры государственного управления юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент А. А. Пилипенко.

Author:

Nikita V. Khashkovsky, postgraduate student at the department of public administration, faculty of law.
khashkovsky.nv@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-9244-3360>

в отставании (зачастую существенном и неоправданном) законодательства от развития общественных отношений, связанных с внедрением новых технологий [1, с. 21], что в наибольшей степени заметно в налоговой сфере, в частности, при трансфертном ценообразовании (далее – ТЦО) при отчуждении либо предоставлении в пользование нематериальных активов (далее – НМА), особенно их новых видов, в рамках контролируемых сделок. Как справедливо отмечают И. С. Шахрай и И. П. Кузьмич, общественные отношения, в которых развиваются новые технологии, тесно пересекаются, следовательно, правовое обеспечение их применения будет эффективным лишь при комплексном подходе к правовому регулированию смежных общественных отношений [1, с. 20]. Ярким примером такой смежности выступает правовой режим цифровых активов, которые, являясь разновидностью НМА и естественным следствием развития цифровых технологий, отличаются уникальностью экономических характеристик, отсутствием сопоставимых рыночных аналогов и значительной зависимостью их стоимости от будущих ожиданий экономических выгод, что обуславливает повышенную сложность как в части идентификации, так и в части корректного стоимостного измерения. Таким образом, действующие правовые механизмы ТЦО, сформированные преимущественно с учетом логики оборота материальных активов и стандартизированных нематериальных активов, товаров, работ, услуг (далее – товары), оказываются методологически не применимыми для определения рыночного уровня цен в отношении новых цифровых активов.

Следствием указанной методологической несоразмерности является формирование пробелов в налоговом законодательстве о ТЦО при совершении операций с цифровыми активами, что, в свою очередь, создает предпосылки для уклонения от уплаты налогов. Плательщики получают возможность манипулировать ценовыми параметрами сделок, искусственно перераспределяя налоговую базу и минимизируя размеры налога на прибыль, при этом у налоговых органов ограничиваются возможности как по установлению факта отклонения цен от рыночного уровня, так и по выявлению нарушений законодательства в сфере ТЦО. Однако активное развитие институциональной базы цифровизации, характерное для ряда государств, само по себе не гарантирует адекватного правового регулирования вопросов ТЦО в отношении цифровых активов. В частности, в Республике Беларусь, несмотря на отчетливо прослеживающуюся позитивную динамику технологического развития и нормативного регулирования цифровизации экономики, которая

подтверждается как наличием доктринальной проработки соответствующих вопросов, так и активной нормотворческой деятельностью государства, указанные проблемы сохраняют свою актуальность. Данная тенденция находит отражение в проводимых белорусскими учеными исследованиях цифровизации права в целом и цифрового права в частности (работы И. С. Шахрай, И. П. Кузьмич, Т. В. Сафонова, М. С. Абламейко, Н. В. Шакель). Как отмечает Т. В. Сафонова, цифровое право устанавливает право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей [2, с. 457], которые, в свою очередь, привлекают повышенное внимание налоговых органов в контексте контролируемых сделок. М. С. Абламейко и Н. В. Шакель констатируют, что цифровые права человека относятся к сфере информационного права, регулирующего обработку больших данных, применение искусственного интеллекта [3, с. 21]. По мнению О. В. Лосевой, М. А. Рожковой и И. М. Конобеевской, большие данные и искусственный интеллект, включая решения, принимаемые с его использованием (при помощи ИИ-ассистентов), относятся к цифровым активам [4, с. 52–53; 5, с. 52, 194; 6, с. 332–333]. Последние в силу специфики своей правовой природы создают определенные сложности при квалификации и оценке в рамках ТЦО.

Нормотворческая деятельность государства, подкрепляющая технологическое развитие, проявляется в подписании в 2018 г. Меморандума о сотрудничестве Национального банка Республики Беларусь и научно-технологической ассоциации «Конфедерация цифрового бизнеса»¹, разработке и одобрении в 2024 г. концепции внедрения цифрового белорусского рубля², последовательном вовлечении в экономический оборот цифровых знаков (токенов) в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», установлении ограничений на обращение цифровых знаков (токенов), закреплении порядка их налогообложения и институционализации деятельности криптобанков в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», Указом Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2025 г. № 166 «О налогообложении доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами)», Указом Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)», а также изданием рекомендаций по вопросам развития цифрового права³. Кроме того, в данный перечень можно

¹Взаимодействие с Конфедерацией цифрового бизнеса // Национальный банк Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.nbrb.by/payment/vzaimodejstvie-s-konfederaciej-cifrovogo-biznesa> (дата обращения: 14.02.2026).

²Проект по внедрению цифрового белорусского рубля // Там же. URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble (дата обращения: 14.02.2026).

³О рекомендациях по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» : Постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 10 янв. 2025 г., № 141-П8/II // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H22500141> (дата обращения: 14.02.2026).

включить принятие стратегии в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года⁴, поскольку, как справедливо отмечают О. В. Лосева и М. А. Рожкова, результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в цифровой форме (3D-модели, произведения так называемого цифрового искусства (*digital art*), создаваемые творческим трудом человека исключительно с применением компьютерных технологий и относящиеся к компьютерной анимации, электронной музыке, цифровой живописи и т. д.) относятся к цифровым активам [4, с. 53–54; 5, с. 68–69].

Доктринальной проблемой ТЦО в Республике Беларусь является отсутствие систематизированных фундаментальных исследований как общеправовых вопросов, так и узконаправленных аспектов данной сферы, хотя следует отметить значимые экономические прикладные исследования С. И. Мазоля, Е. М. Гиль, А. Ю. Карпунина, подготовленные в период с 2002 по 2011 г., в которых ТЦО рассматривается в качестве экономического механизма. В 2024 г. И. А. Лукьянова исследовала проблемы применения ТЦО в ситуациях, когда агрессивное налоговое планирование осуществляется с использованием объектов интеллектуальной собственности. В области права вклад в изучение ТЦО внесли С. К. Лещенко и Е. А. Дашкевич в 2009–2015 гг., Е. Ф. Киреева, В. С. Анищенко и Ю. В. Бутько в 2015–2025 гг. Их работы рассматривают ТЦО в части налогового контроля и особенностей международного налогообложения. Некоторые труды перечисленных авторов в связи с давностью написания в современных условиях утратили свою актуальность. Правовые вопросы, касающиеся налогового контроля сделок с цифровыми активами и иными объектами нематериальной сферы, в белорусской науке не проработаны.

В Российской Федерации исследование института ТЦО ведется более последовательно, однако проблема его применения к цифровым активам остается недостаточно проработанной. Так, К. А. Непесов в 2007 г. определил правовые проблемы использования НМА в качестве предмета контролируемой сделки без учета цифровых активов, Н. В. Мамиконян в 2019 г. развила этот подход, предложив изменения в законодательстве. М. Р. Пинская, А. С. Кизимов и Н. А. Кузьмина в 2016 г. поставили под сомнение применимость стандартных методов ТЦО

к НМА. Е. М. Мажигова, Е. Е. Миргород и Л. Х. Дикаева в 2023 г. рассмотрели вопросы налогообложения цифровых активов без специфического анализа ТЦО. Таким образом, несмотря на значительный объем исследований, вопросы ТЦО в отношении именно цифровых активов в российской доктрине остаются открытыми.

На фоне описанного состояния доктринальных исследований как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации особую остроту приобретает противоречие между наличием развитой нормативной базы цифровизации и отсутствием специальных правил ТЦО для цифровых активов. Нормотворческая деятельность государства в части регулирования НМА, включая цифровые активы как их разновидность, а также технологическое развитие обуславливают необходимость законодательного урегулирования ранее не охваченных правовым регулированием общественных отношений, связанных с заключением контролируемых сделок, предметом которых выступают цифровые активы. С учетом установленного суммового критерия контролируемости в размере 400 тыс. руб. (п. 2 ст. 88 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК)) сделки с цифровыми активами, обладающими высокой стоимостью и экономической значимостью, в подавляющем большинстве случаев будут подпадать под режим ТЦО. В то же время налоговое регулирование и описанный уровень исследованности ТЦО в Республике Беларусь отстают от актуального развития цифровой отрасли и не позволяют в полной мере раскрыть проблему определения трансфертной цены в сделках с цифровыми активами, что обуславливает необходимость проведения научных исследований по рассматриваемой проблематике и повышает их актуальность.

Цель статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию налогового законодательства Республики Беларусь в части определения трансфертной цены в сделках с цифровыми активами.

Задачами исследования являются анализ действующего порядка определения трансфертной цены в Республике Беларусь, выявление специфических особенностей цифровых активов, влияющих на применение ТЦО, разработка практических рекомендаций по совершенствованию налогового законодательства.

Материалы и методы исследования

В процессе исследования применялись метод системного анализа, позволивший выявить взаимосвязь цифровых активов с налоговым, цифровым правом и правом интеллектуальной собственности, формально-юридический метод, обеспечивший истолкование особенностей применения норм налогового права к контролируемым сделкам с цифровыми

активами, метод правового моделирования, позволяющий определить риски неурегулированности отношений в части определения трансфертной цены и найти пути устранения выявленных пробелов. Теоретическую основу исследования составили труды по налоговому, информационному, гражданскому праву, а также нормативные правовые акты.

⁴О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 нояб. 2021 г., № 672 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100672> (дата обращения: 14.02.2026).

Результаты и их обсуждение

Несмотря на наличие сформировавшихся международных стандартов ТЦО, ориентированных преимущественно на развитие экономики (Модельная конвенция о налогообложении доходов и капитала⁵ и Руководство по ТЦО для транснациональных корпораций и налоговых администраций⁶), разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), с одной стороны, и стандартов, адаптированных с учетом экономического положения развивающихся государств (Модельная конвенция об избежании двойного налогообложения⁷ и Практическое руководство по ТЦО⁸), подготовленных под эгидой ООН, с другой стороны [7], в государствах СНГ и ЕАЭС, включая Республику Беларусь, формируется лишь фрагментарный подход к регулированию ТЦО. Это обстоятельство проявляется в неоднородности методологий, финансовой дисгармонии и отсутствии единых правил [8, с. 148], а также в неравномерном развитии налогового регулирования цифровой сферы.

В интересах ТЦО цифровые активы обладают совокупностью специфических характеристик, которые во взаимосвязи определяют исследуемую в настоящей статье проблематику и обуславливают повышенную сложность их правовой и экономической квалификации.

Во-первых, цифровой актив характеризуется экономически значимым контролем с доказуемой эксклюзивностью, представляющим собой фактическую и объективно подтверждаемую возможность исключительного распоряжения активом, обеспечивающую получение основной части экономических выгод от его использования и защиту от неправомерного присвоения третьими лицами [9]. Данный признак, являясь функциональным аналогом владения материальной вещью, позволяет идентифицировать сторону, фактически осуществляющую функции собственника в рамках внутригрупповых операций, определять момент перехода экономических рисков и выгод.

Во-вторых, для цифровых активов характерна динамичность и неопределенность перечня. Как отмечают исследователи данной области, перечень цифровых активов постоянно дополняется новыми, ранее неизвестными объектами: цифровыми услугами, цифровыми деньгами (включая игровые валюты), виртуальным имуществом (в том числе игровым), большими данными и решениями, принятыми

с помощью искусственного интеллекта (ИИ-ассистентами) [4, с. 49–53; 5, с. 52, с. 194; 6, с. 332–333], инновационными формами цифровых объектов, созданными на базе технологии блокчейн и иных распределенных реестров, мультимедийными продуктами, а также такими специфическими объектами, как программное обеспечение для уже созданных программируемых автономных роботов и высокоточного медицинского оборудования. Данная особенность демонстрирует объективную необходимость адаптировать методологию ТЦО и механизмы налогового контроля к условиям развивающейся цифровой экономики, в рамках которой традиционные подходы, ориентированные на стандартизированные активы, не могут применяться к динамично изменяющемуся перечню цифровых объектов.

В-третьих, объектом налогового контроля выступает не сам цифровой актив как таковой, а цена его отчуждения либо предоставления в пользование, выраженная в различных формах возмещения. Так, в зависимости от характера правоотношений контролируемым элементом может являться разовый основной платеж за передачу актива в собственность, разовый паушальный платеж за передачу исключительных прав на актив, роялти как периодический платеж за использование актива на условиях лицензии, систематическая плата за предоставление доступа к активу без заключения лицензионного договора. Разнообразие форм вознаграждения влияет на методологию определения рыночного уровня цены и одновременно усложняет процесс поиска сопоставимых неконтролируемых сделок.

В-четвертых, среди всей совокупности цифровых активов особое место занимает категория сложнооцениваемых активов (*hard-to-value intangibles*), которой в международном регулировании ТЦО, в частности в подходах ОЭСР, уделяется повышенное внимание. Уникальный характер таких активов, ограниченность или полное отсутствие сопоставимых рыночных данных, а также высокая степень неопределенности в отношении будущих экономических выгод обуславливают значительную погрешность их стоимостной оценки. Дополнительную сложность представляет измерение ценности данных и иных нематериальных результатов, генерируемых цифровыми активами в процессе совершения контролируемых транзакций, что в ряде случаев делает их экономическую оценку принципиально

⁵Model tax convention on income and on capital 2017 // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g2g972ee-en.html (date of access: 10.02.2026).

⁶OECD transfer pricing guidelines for multinational enterprises and tax administration 2022 // Ibid. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (date of access: 10.02.2026).

⁷Model double taxation convention between developed and developing countries 2021 // United Nations : website. URL: https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf (date of access: 10.02.2026).

⁸Practical manual on transfer pricing for developing countries 2021 // Ibid. URL: <https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2021-10/Transfer%20Pricing%20with%20new%20cover.pdf> (date of access: 10.02.2026).

затруднительной [10, с. 15; 11, с. 22]. Как следствие, в научной литературе обоснованно указывается на принципиальную ограниченность применения традиционных методов ТЦО к сделкам с цифровыми активами, особенно относящимися к категории уникальных и сложнооцениваемых активов [12, с. 80; 13, с. 108–109]. В результате цифровые активы выступают наиболее уязвимыми объектами налогового контроля и нередко используются в качестве инструмента агрессивного налогового планирования и обхода правил ТЦО.

В ситуации описанной ограниченности традиционных методов для оценки сложнооцениваемых цифровых активов и наличия высоких рисков их использования в агрессивном налоговом планировании перед национальным правопорядком встает задача по поиску адекватных регуляторных механизмов. Императивная иерархия методов, предполагающая жесткую очередность их применения, вступает в объективное противоречие с экономической природой цифровых активов, уникальность которых зачастую делает невозможным применение классических подходов. Осознание данного противоречия стимулирует государства отказаться от формального подхода в пользу более гибких конструкций, что наглядно демонстрирует пример недавней реформы в Республике Беларусь: с 2024 г. законодатель отказался от жесткой императивной иерархии методов ТЦО, сформировав нормативные предпосылки для перехода от формально-иерархического подхода к более гибким правовым подходам, основанным на принципе наилучшего соответствия (ч. 1 п. 2 ст. 91 НК). Содержание данного принципа предполагает предоставление плательщику правомочия самостоятельно определять метод ТЦО, наиболее адекватный экономической сущности цифрового актива, при условии, что выбранный метод с учетом фактических обстоятельств и условий совершения сделки позволяет наиболее обоснованно сделать вывод о соответствии либо несоответствии примененной цены рыночному уровню цен на аналогичные (однородные) цифровые активы. Праву плательщика на самостоятельное определение метода ТЦО соответствует обязанность налоговых органов использовать в ходе контроля примененный плательщиком метод, заменяя его лишь при наличии обоснования несоответствия. Такая обязанность ограничивает произвол в налоговом контроле и в определенной мере воплощает презумпцию правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика), которая во многом обусловлена причинами объективного характера, предопределенными сложными процессами становления и развития налогового законодательства [14, с. 42], что в условиях цифровой экономики приобретает особую значимость в связи со спецификой цифровых активов.

Общее правило о формировании рыночной цены в контролируемых в рамках ТЦО сделках основыва-

ется на цене, сложившейся в сопоставимых сделках с идентичными, а при их отсутствии с однородными товарами (подп. 1.8 п. 1 ст. 87 НК), и проявляется в сопоставлении анализируемой контролируемой сделки с совокупностью сравниваемых неконтролируемых сделок. При этом критерии сопоставимости формируются исходя из совершения таких сделок в аналогичных коммерческих и (или) финансовых условиях с учетом совокупности характеристик, способных оказывать влияние на уровень цены.

На указанном этапе правоприменения возникает первая системная проблема, обусловленная имманентной уникальностью цифровых активов, которая непосредственно влияет на возможность определения их идентичности либо однородности для целей налогообложения [10, с. 8; 11, с. 22]. Использование уникальных цифровых активов в контролируемых сделках объективно исключает возможность подбора сопоставляемых сделок с идентичным товаром и в значительной степени нивелирует практическую применимость категории однородности, поскольку их уникальный характер предполагает отсутствие иных цифровых активов, способных выполнять тождественные функции и (или) выступать в качестве коммерчески взаимозаменяемых, ведь, как правильно отмечается в литературе, при анализе однородных товаров незначительные различия во внешних характеристиках могут не приниматься во внимание. Однако при сопоставлении цифровых активов подобная оценка, выраженная через квалификацию различий как незначительных, приобретает принципиальное значение, поскольку даже минимальные несовпадения в репутационном капитале, узнаваемости либо ассоциативной ценности способны оказывать существенное влияние на уровень цены. Вследствие этого обстоятельства решение вопроса о функциональной и коммерческой взаимозаменяемости цифровых активов оказывается существенно затрудненным, особенно в наукоемких и технологически сложных отраслях экономики [10, с. 8–9].

Таким образом, подход сравнения с идентичными (однородными) цифровыми активами допустим в случае наличия на рынке стандартизированных цифровых активов, например массового программного обеспечения, но не адекватен для уникальных цифровых активов. При отсутствии на рынке сопоставляемых неконтролируемых сделок либо при объективной невозможности их корректного подбора становится невозможным достоверное определение трансфертной цены анализируемой сделки с цифровым активом. В подобных условиях качественное применение принципа наилучшего соответствия утрачивает практическую применимость и не позволяет подобрать метод ТЦО, способный обеспечить экономически обоснованный вывод о соответствии примененной цены рыночному уровню.

Статья 90 НК устанавливает иерархию источников информации, используемых для определения

соответствия цен рыночному уровню: п. 1 определяет перечень основных источников, п. 2 содержит перечень дополнительных источников, применяемых в случае невозможности использования основных источников. Вместе с тем законодательством не урегулирован порядок определения рыночной цены в ситуации, когда информация о сопоставимых сделках отсутствует не в отдельных источниках, а на рынке в целом вследствие уникальности предмета сделки. Указанный пробел особенно наглядно проявляется при сравнении с законодательством Российской Федерации: п. 10 ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации объединяет в единую правовую конструкцию такие основания, как отсутствие на рынке сделок с идентичными (однородными) товарами, отсутствие предложения на рынке таких товаров, а также отсутствие либо недоступность информационных источников, обеспечивая тем самым применение единого правового режима ко всем случаям объективной невозможности определения рыночной цены. Белорусское законодательство аналогичной нормы не содержит, что образует системный пробел в регулировании сделок с уникальными цифровыми активами.

Отсутствие в белорусском законодательстве аналогичного механизма означает, что в подобных ситуациях применению подлежит лишь общее правило, согласно которому при отсутствии либо недостаточности информации об идентичных (однородных) товарах используются данные бухгалтерской и (или) иной финансовой отчетности организаций, которые осуществляют сопоставимую деятельность (ч. 1 п. 3 ст. 89 НК), в том числе содержащиеся в общедоступных информационных системах, а также размещенные на официальных сайтах организаций в интернете (подп. 1.11 п. 1 ст. 90 НК). Указанный подход получил доктринальное развитие еще на этапе становления института ТЦО в Республике Беларусь. В частности, в литературе высказывалось предложение ориентироваться на критерий схожей рыночной ценности, формируемой за счет сопоставимого воздействия на потребительское поведение и определенной степени «стандартизованности» соответствующего продукта [15, с. 48]. По нашему мнению, обозначенный подход в целом может быть признан теоретически допустимым, однако его практическая применимость напрямую зависит от выработки четких и экономически обоснованных критериев отнесения организаций к числу осуществляющих сопоставимую деятельность, позволяющих с учетом специфики объекта сделки объективно определить рыночную цену. В отношении цифровых активов формирование таких критериев представляется существенно затрудненным.

Именно в указанном контексте обнаруживается следующая системная проблема белорусской модели правового регулирования. В соответствии с абзацем 2 ч. 2 п. 3 ст. 89 НК организации признаются

осуществляющими сопоставимую деятельность на основании единственного формально-юридического критерия – осуществления того же вида экономической деятельности, что и у проверяемой организации, в соответствии с Общегосударственным классификатором видов экономической деятельности Республики Беларусь (далее – ОКЭД). Указанная норма сформулирована императивно, она имеет унифицированный характер и подлежит применению ко всем случаям без учета специфики уникальных цифровых активов, выступающих в качестве предмета контролируемой сделки.

Избранный законодателем подход, хотя и позволяет формально решить проблему дефицита сопоставимой информации о цифровых активах ввиду относительной простоты выявления организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность по установленному критерию, не может быть признан концептуально обоснованным. Использование информации о деятельности организаций исключительно на основании совпадения заявленного вида экономической деятельности с видом деятельности проверяемого субъекта, т. е. применение формально-классификационного критерия, представляется методологически некорректным и не соответствующим экономической природе ТЦО.

Во-первых, ОКЭД по своему функциональному назначению служит инструментом статистической классификации организаций в зависимости от осуществляемых ими видов деятельности и формирования агрегированных макроэкономических показателей. Он не содержит сведений о конкретном реализуемом продукте, применяемых технологиях его создания, уровне технологической сложности, структуре затрат, а равно об экономической ценности результата соответствующей деятельности, что исключает возможность использования кодов ОКЭД в качестве релевантного критерия ценовой сопоставимости.

Во-вторых, присвоение вида экономической деятельности осуществляется по заявительному принципу, без предварительной верификации со стороны регистрирующих органов фактического осуществления заявленного вида деятельности. Соответственно, формальное совпадение кодов ОКЭД не гарантирует ни действительного осуществления соответствующей деятельности, ни сопоставимости экономических условий, в которых она ведется.

В-третьих, правовой режим осуществления предпринимательской деятельности допускает одновременное ведение организацией нескольких видов экономической деятельности либо осуществление видов деятельности, не отраженных в учредительных документах или не заявленных при государственной регистрации. Указанное обстоятельство дополнительно нивелирует диагностическую ценность ОКЭД для определения сопоставимости анализируемых организаций в рамках ТЦО.

В-четвертых, даже при фактическом осуществлении анализируемой организацией и сопоставляемыми организациями одного и того же вида экономической деятельности совпадение соответствующих кодов ОКЭД не позволяет сделать обоснованный вывод о сопоставимости производимого продукта и, следовательно, установленной цены, поскольку в пределах одного вида деятельности могут создаваться цифровые активы, обладающие различным функциональным назначением, уровнем сложности, а также экономической ценностью и не являющиеся коммерчески взаимозаменяемыми. Так, в рамках такого вида экономической деятельности, как издание прочего программного обеспечения (код ОКЭД 58290), ООО «ФоксТри»⁹ осуществляет разработку и обслуживание национального мессенджера *Depesha*, предназначенного для коммуникации, тогда как ООО «Финрокет»¹⁰ является разработчиком программного сервиса «Финансист», ориентированного на формирование управленческой отчетности. В то же время организации, заявившие различные виды экономической деятельности (УП «1С-Битрикс» (издание программного обеспечения, код ОКЭД 72210) и ООО «АйСиЭс Бел» и ООО «Итач-софт» (деятельность в области компьютерного программирования, код ОКЭД 62010))¹¹, фактически выводят на рынок схожие по функциональному назначению программные продукты в виде CRM-систем («Битрикс24», «MS Dynamics CRM»). Аналогичным образом ЧП «Трэвел Лайн», заявившее в качестве вида деятельности консультирование по вопросам коммерческой деятельности и прочее консультирование по вопросам управления (код ОКЭД 70220)¹², фактически осуществляет деятельность по изданию программного обеспечения, предназначенного для автоматизации бизнес-процессов в сфере гостиничного бизнеса.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что критерий совпадения кодов ОКЭД не может служить надлежащим основанием для установления сопоставимости организаций в целях ТЦО. Определяющее значение имеет не вид экономической деятельности, заявленный плательщиком при государственной регистрации, а всесторонняя и детализированная характеристика создаваемого и (или) реализуемого цифрового актива. Это обстоятельство обусловлено содержанием сущности ТЦО, которая заключается в объективном и экономически обоснованном определении стоимости актива в анализируемой сделке, что предполагает либо сопоставление примененной цены с ценами аналогичных (идентичных либо однородных) активов, либо использование

иных экономически релевантных способов оценки, адекватных специфике цифровых активов.

В связи с вышесказанным установленные законодателем критерии отнесения организаций к числу осуществляющих сопоставимую деятельность не могут быть признаны корректными с точки зрения целей и задач ТЦО, таким образом в правовом регулировании формируется системный пробел. В условиях отсутствия на рынке сопоставимых сделок либо объективной невозможности их выявления в ходе анализа остаются неурегулированными ситуации, при которых предмет контролируемой сделки представлен уникальным цифровым активом, не имеющим идентичных или однородных аналогов. Как следствие, утрачивается практическая возможность применения как приоритетного метода сопоставимых рыночных цен, так и принципа наилучшего соответствия, поскольку их реализация в действующей модели ТЦО Республики Беларусь функционально привязана к обязательному использованию показателей организаций, формально признаваемых осуществляющими сопоставимую деятельность.

В целях устранения выявленного пробела в правовом регулировании ТЦО рекомендуется рассмотреть вопрос о дополнении п. 3 ст. 89 НК нормой, предписывающей, что использование данных организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность, в сделках с товаром, который не имеет идентичных (однородных) аналогов, допускается при соблюдении следующих условий: для расчета цены применяются одинаковые технологический процесс, принципы учета и распределения расходов, нормы амортизации специфического оборудования и подходы к оценке сырья; структура затрат и методы калькулирования себестоимости сопоставимых организаций являются идентичными или сопоставимыми с процессами и методами проверяемого лица; различия в физических, функциональных или качественных характеристиках товаров не влияют на экономические принципы расчета их цены и не приводят к искажению структуры затрат. Кроме того, следует исключить из ч. 2 п. 3 ст. 89 НК абзац 2, поскольку при производстве независимыми осуществляющими разные виды экономической деятельности лицами товара, цены на который рассчитываются по одинаковым принципам, указанные нормы будут взаимоисключать друг друга.

Предлагаемая рекомендация позволит преодолеть формальный подход к определению круга сопоставимых организаций, минимизировав риски применения ошибочных критериев к субъектам, чья деятельность имеет принципиально иную экономическую

⁹Поиск юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : сайт. URL: <https://egr.gov.by/egrm/index.jsp?content=Find> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

природу. Вместе с тем предлагаемый механизм не решает комплексную проблему достоверной оценки цифровых активов, в связи с чем также представляется необходимым нормативно урегулировать ситуации, при которых на рынке объективно отсутствуют как идентичные (однородные) товары, так и организации, осуществляющие сопоставимую деятельность, посредством введения самостоятельного специального метода определения трансфертной цены для таких случаев. В рамках данного метода трансфертная цена цифрового актива может определяться как разность между ценой, по которой он был реализован покупателем при последующей передаче третьему лицу, и совокупностью обычных для аналогичных условий затрат, понесенных данным покупателем при такой передаче и продвижении актива на рынок (без учета цены его первоначального приобретения), а также обычной для соответствующей сферы деятельности нормы прибыли покупателя. Принципиальное отличие предлагаемого метода от действующего метода определения цены последующей реализации (ст. 93 НК) состоит в том, что он не предполагает ни обязательной перепродажи невзаимозависимому лицу в качестве конститутивного элемента, ни сопоставления валовой рентабельности с диапазоном рыночных показателей, ни соблюдения ограничительных условий п. 3 ст. 93 НК, системно исключающих его применение к цифровым активам. Преимущество предлагаемого метода заключается в отсутствии необходимости искать сопоставимые неконтролируемые сделки, что позволяет нивелировать проблему определе-

ния трансфертной цены прежде всего в отношении уникальных цифровых активов. Вместе с тем сфера его применения не ограничивается цифровой сферой: метод в равной мере пригоден для иных сложно-оцениваемых НМА, а также материальных активов, не имеющих рыночных аналогов, что обуславливает его универсальный регуляторный потенциал.

Правоприменительная ситуация может дополнительно усложняться в случаях, когда установление цены последующей передачи третьему лицу объективно невозможно, в частности, при отсутствии самого факта такой передачи либо при уклонении организации от предоставления достоверных сведений о ценах реализации в ходе налогового контроля. В подобных обстоятельствах даже предложенный специальный метод утрачивает практическую применимость, что вновь формирует неурегулированную ситуацию в налоговом праве. Эта ситуация, с одной стороны, свидетельствует о системной недостаточности действующего механизма ТЦО применительно к цифровым активам, а с другой – определяет методологическую основу для дальнейших научных исследований: более глубокой доктринальной и нормативной детализации принципа наилучшего соответствия, обоснования допустимости использования результатов независимой оценки, а также переосмысления вопроса о расширении перечня методов ТЦО посредством наделения плательщика правом применения альтернативных, экономически наиболее адекватных методов определения рыночной цены, соответствующих специфике анализируемой сделки.

Заключение

Обобщая проведенный анализ, можно сформулировать следующие выводы.

1. Цифровые активы обладают специфическими характеристиками, которые в совокупности определяют принципиальную ограниченность применения традиционных методов ТЦО обуславливают повышенную сложность их правовой и экономической квалификации. Особую проблему представляет квалификация категории сложнооцениваемых цифровых активов, объективная неопределенность будущих экономических выгод которых делает применение стандартных подходов ТЦО принципиально затруднительным, а их использование в схемах агрессивного налогового планирования – особенно вероятным.

2. Переход белорусского законодателя в 2024 г. от императивной иерархии методов ТЦО к принципу наилучшего соответствия представляет собой концептуально обоснованный шаг в направлении адаптации налогового регулирования к специфике цифровых активов. Вместе с тем практическая реа-

лизуемость данного принципа существенно ограничена действующим механизмом определения сопоставимых организаций, что формирует системный пробел в правовом регулировании.

3. Нормативное регулирование налогового контроля ТЦО не предусматривает специальных правил определения трансфертной цены цифровых активов: она определяется по общим правилам путем сопоставления с показателями идентичных (однородных) сделок, а при их отсутствии – с показателями организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность. Уникальность цифровых активов объективно исключает возможность корректного подбора идентичных (однородных) сделок, тогда как действующий критерий определения сопоставимых организаций – совпадение кодов ОКЭД – является методологически некорректным, поскольку не учитывает ни фактического содержания деятельности, ни экономической природы создаваемого продукта, ни реальной сопоставимости условий ценообразования.

4. В целях устранения выявленного системного пробела рекомендуется дополнить п. 3 ст. 89 НК нормой, допускающей использование данных сопоставимых организаций при сопоставимости принципов учета и распределения расходов, технологического процесса, структуры затрат и методов калькулирования себестоимости, а также при условии, что различия в характеристиках товаров не влияют на экономические принципы расчета их цены. Одновременно во избежание коллизии с предлагаемой нормой следует исключить из ч. 2 п. 3 ст. 89 НК абзац 2.

5. Для урегулирования ситуаций полного отсутствия как идентичных (однородных) товаров, так и сопоставимых организаций предлагается

закрепить самостоятельный специальный метод определения трансфертной цены, принципиально отличающийся от действующего метода цены последующей реализации отсутствием требования об обязательной перепродаже невзаимозависимому лицу и сопоставлении валовой рентабельности. Метод применим не только к цифровым активам, но и к иным сложнооцениваемым нематериальным и уникальным материальным активам. Случаи, при которых данный метод оказывается неприменимым, определяют направления дальнейших исследований в части детализации принципа наилучшего соответствия и расширения перечня допустимых методов ТЦО.

Библиографические ссылки

1. Шахрай ИС, Кузьмич ИП. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;1:16–23.
2. Сафонова ТВ. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина. В: Аршанский ЕЯ, редактор. *Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 73-й Региональной научно-практической конференции; 11 марта 2021 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2021. с. 456–458.
3. Абламейко МС, Шакель НВ. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;2:19–26.
4. Лосева ОВ. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;4:45–57. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57.
5. Рожкова МА. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. Москва: Государственный академический университет гуманитарных наук; 2024. 258 с.
6. Конобеевская ИМ. Цифровые права как новый объект гражданских прав. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2019;3:330–334. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334.
7. Глазова ЕС, Степанова МП. Государственное регулирование трансфертного ценообразования. *Финансовый менеджмент*. 2019;6:23–35.
8. Головченко ОН. *Гармонизация национального налогового законодательства в интеграционных объединениях (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза)* [диссертация]. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации; 2020. 276 с.
9. Шипикова АГ. Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива. *Цифровое право*. 2024;5(2):53–68. DOI: 10.38044/2686-9136-2024-5-2-1.
10. Кизимов АС, Кузьмина НА, Пинская МР. Налоговый контроль трансфертного ценообразования применительно к нематериальным активам. *Финансовый журнал*. 2016;3:7–15.
11. Мажигова ЕМ, Миргород ЕЕ, Дикаева ЛХ. Анализ международных налоговых правил в условиях цифровой экономики. *Журнал прикладных исследований*. 2023;5:20–24.
12. Лукьянова ИА. Налоговые аспекты коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в концепции трансфертного ценообразования. *Белорусский экономический журнал*. 2024;4:73–82. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-73-82.
13. Мамиконян НВ. *Совершенствование налогового регулирования трансфертного ценообразования в России* [диссертация]. Москва: Государственный университет управления; 2019. 166 с.
14. Пилипенко АА. Дискуссионные вопросы применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика). *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025;2:40–45.
15. Раджабов РМ. Сделки по передаче прав пользования товарным знаком: есть контроль? *Налоговая политика и практика*. 2010;6:47–53.